

Посвящается Пауле да Парма

Помню, что я почти всегда наряжался бродягой
или призраком. А однажды — даже скелетом.

Джо Брейнард. «Помню»

1

Жанр *посмертных* записок, который в последнее время так вошел в моду, столь пленяет меня, что я подумываю сочинить книгу, выдав ее за *посмертную* и *неоконченную*, хотя она не будет ни тем, ни другим. Вот если я в процессе написания помру, то — да, она в самом деле станет *последней*, более того — *оборванной* на полуслове, и два эти обстоятельства, без сомнения, разрушат среди прочего и ту великую иллюзию, которую я намереваюсь подделать. Однако начинающий писатель должен быть готов принять все, а ведь я самый что ни на есть начинающий? Меня зовут Мак. И уже в силу своего статуса мне стоит сохранять благоразумие и выждать какое-то время, прежде чем очертя голову броситься в перипетии лже-*посмертной* книги. И опять же с учетом того, что я — начинающий, мне не пристало братья немедленно за сочинение этой *последней* книги или еще за какую-нибудь фальсификацию, а следует всего лишь день за днем писать — а там, как говорится, видно будет. И, быть может, настанет момент, когда я, сочтя себя более подготовленным, решусь попытать свои силы в создании книги, оборванной кончиной, исчезновением или самоубий-

ством. А сейчас довольствуюсь лишь тем, что начал сегодня вести дневник, пребывая в полнейшем ужасе и не решаясь даже посмотреть в зеркало, чтобы не увидеть, как глубоко я втянул голову в плечи.

Как я уже сказал, зовут меня Мак. А живу я здесь, в квартале Койот. И нахожусь в привычном мире своей квартиры, где, как мне кажется, пребываю испокон веку. Сейчас слушаю музыку Кейт Буш, а потом поставлю себе Боуи. За окнами лютует лето, и Барселона готовится — согласно прогнозу — к резкому повышению температуры.

Меня зовут Мак, благодаря знаменитой сцене из фильма Джона Форда¹ «Моя дорогая Клементина»². Родители смотрели эту картину незадолго до моего появления на свет, и особенно понравился им эпизод, где шериф Уайетт спрашивает старого бармена в салуне:

— Мак, ты был когда-нибудь влюблен?

— Да некогда было. Я все за стойкой стою.

Ответ старика привел их в восторг, и потому в один прекрасный апрельский день в конце сороковых годов я стал Маком.

Мак — здесь, Мак — там. Мак — для всех и для каждого. В последнее время меня уже не раз путали с ком-

¹ Джон Форд (настоящее имя Джон Мастер Фини, 1894–1973) — американский кинорежиссер, сценарист, писатель и продюсер, единственный обладатель четырех «Оскаров» за лучшую режиссуру и первый обладатель награды за вклад в развитие киноискусства.

² «Моя дорогая Клементина» вышла на экраны в 1946 году, название взято из песни, звучащей в начале и в конце фильма. Бармена Мака сыграл американский актер и кинорежиссер Джозеф Фаррелл Макдональд.

пьютером «Макинтош». И когда подобное случается, я радуюсь как сумасшедший — потому, быть может, что, по моему мнению, лучше зваться Маком, чем моим настоящим именем — ужасным, по правде сказать, именем, навязанным тиранической волей деда по отцовской линии, — и неизменно отказываюсь произносить его, а писать — и подавно.

Все, что будет сказано в этом дневнике, я скажу себе самому, потому что больше читать его некому. Я нашел себе приют в этом личном пространстве, где, помимо многого прочего, хочу убедиться в правоте Натали Саррот¹, говорившей, что писать — значит попытаться выяснить, что написали бы мы, если бы писали. Это — тайная хроника моей инициации, которая сама не знает, подает ли она признаки того, что уже началась. Однако полагаю, что да, что я в мои шестьдесят с лишним, двинулся по этой дороге. Полагаю также, что слишком долго ждал этой минуты, чтобы все потерять сейчас. Минута эта близится, а может быть, уже наступила.

— Мак, Мак, Мак.

Чей это голос?

Какого-то покойника, поселившегося у меня в голове. Предполагаю, это был совет не спешить. Но вовсе не поэтому я приторможу с ожиданиями. И голос этот не напугает меня, благо у меня по-прежнему имеется свой собственный. А знает ли он, голос этот, что уже два месяца и семь дней, с тех пор как рухнул наш семейный строительный бизнес, мне кажется, что я тону,

¹ Натали Саррот (наст. имя Наталия Ильинична Черняк, 1900–1999) — французская писательница, драматург, стоявшая у истоков «антиромана», — само определение «антироман» было впервые употреблено в предисловии к ее книге «Тропизмы».

а одновременно испытываю чувство невероятной свободы, словно закрывшиеся предприятия и прекращение платежей помогли мне обрести свое место в этом мире.

У меня есть причины чувствовать себя лучше, чем в ту пору, когда я зарабатывал себе на прожитие в качестве успешного застройщика. Но я вовсе не желал бы, чтобы это, с позволения сказать, счастье так же воспринималось бы окружающими. Я терпеть не могу хвастовства в любом его виде. Я всегда остро чувствовал необходимость жить как можно более незаметно. И отсюда — мое стремление при малейшей возможности затаиться.

Спрятаться, заслониться этими страницами — и это позволит мне жить, в ус не дую, а если меня обнаружат — беда небольшая. Но в любом случае этот дневник должен быть тайным: это даст мне большую свободу действий для всего на свете, вот хоть для того, чтобы, к примеру, заявить сейчас, что человек может годами считать себя писателем, и никто не возьмет на себя труд прийти к нему и сказать: «Не обольщайся, ты не писатель». Но если однажды этот человек решится все же начать, и ухнет, как говорится, все мясо на жаровню и примется наконец писать, он, этот начинающий смельчак, заметит вслед за тем — если, конечно, он честен перед самим собой — что его занятие не имеет ни малейшего отношения к дикому стремлению считаться писателем. И, чтобы не тратить больше времени, я поясню, что хотел сказать вот что: «Писать — значит перестать быть писателем».

Хотя в ближайшие дни я продам по смехотворной цене квартиру, которую сумел сберечь после своего разорения, меня беспокоит, что в конце концов попа-

ду в полную зависимость от бизнеса моей жены Кармен или что придется просить помощи у детей. Кто бы мог подумать, что принадлежащее моей жене ателье, где реставрируют мебель, будет из милости кормить меня, еще несколько недель назад — владельца солидной строительной фирмы. Перспектива попасть в зависимость от Кармен, конечно, тревожит меня, но все же я думаю, что если разорюсь вконец, это будет не хуже того времени, когда я строил дома, приносившие мне немалые деньги, но вместе с ними — неудовлетворенность и разнообразные невроты.

Хотя обстоятельства рано подхватили и повлекли меня в неожиданном направлении и до сегодняшнего дня я не писал ничего такого, что попадало бы под определение «литература», я всегда без памяти любил читать. Сначала — стихи, потом — рассказы: обожаю малые формы. Мой любимый жанр — рассказы. А вот романы — не очень, потому что они, по словам Барта, наделены свойством смерти: преобразуют жизнь в судьбу. Если бы я когда-нибудь и написал роман, мне бы хотелось потерять его, как теряют яблоко, купив несколько штук в пакистанской лавочке на углу. Мне хотелось бы потерять его, чтобы доказать, что я плевать хотел на романы и что отдаю предпочтение малым формам. Меня тронул один коротенький рассказ Аны Марии Матуте¹, где говорится, что у рассказа душа старого бродяги, который идет от деревни к деревне, а потом исчезает... «Рассказ уходит прочь, но оставляет свои следы».

¹ Ана Мария Матуте (1925–2014) — испанская писательница, виднейшая представительница так называемого поколения пятидесятых, член Королевской Академии испанского языка.

Порой я говорю себе, что избежал большой беды, когда еще в юности все сложилось так, чтобы не дать мне улучшить минутку и убедиться: писать — значит перестать писать. Будь у меня эта свободная минутка, сейчас бы я, наверное, просто лопался от таланта, или же, наоборот, был бы уничтожен и кончен как писатель, но и в том, и в другом случае — лишен возможности наслаждаться этим чудесным ощущением начинающего, ощущением, которое дарует мне такую отраду вот в эту самую — самую-рассамую — идеальную минуту: ровно в полдень 29 июня, когда я намереваюсь откупорить бутылку «Вега Сицилия»¹ 1966 года и, ну, скажем, испытать восторг того, кто знает, что его никогда не издадут и отмечает запуск тайного дневника, хроники ученичества, и в утренней тиши оглядывается по сторонам, и различает в воздухе слабое свечение, существующее, наверное, только у него в голове.

[ГОВНОРОСКОП]

Когда день уже можно смело считать вечером, я, малость выпив, занялся поисками «Стихов» Сэмюэла Беккета в переводе на испанский. Первый раздел назван *Whorescope* — это размышления о времени, написанные и опубликованные в 1930 году. Я понял гораздо меньше, чем в тот день, когда прочел его впервые, и, может быть, именно поэтому оно понравилось мне больше, чем тогда. Похоже, следует приписать Декар-

¹ «Вега Сицилия» (исп. *Veja Sicilia*) — одна из известнейших испанских компаний — производителей вина, входящая в десятку лучших европейских винодельческих хозяйств.

ту — его умело подделанному автором голосу, — сто беккетовских строчек о беге дней, об эфемерности и о куриных яйцах. От моего понимания ускользнули куры и их яйца. Но благодаря этому я немало повеселился. Отлично.

Интересно бы знать, почему сегодня, определив себя в разряд простых, неискушенных дебютантов, я дошел до полного изнеможения, пытаюсь — и совершенно безуспешно — написать несколько стилистически безупречных абзацев в этом дневнике? Сколько же времени я убил на выполнение этой безумной работы? И сколь же неубедителен довод, что времени у меня в избытке, что я ничем не занят и мой удел — праздность. Дело все в том, что я писал карандашом на листках, вырванных из тетради, потом надел очки и отредактировал текст, потом набрал его на компьютере, потом распечатал и перечитал, и обдумал, и выправил — это был истинный момент писания, — а потом снова набрал текст на компьютере, следа не оставив от написанного вручную, и наконец удовлетворился своими заметками, погребенными в загадочном нутре компьютера.

Сейчас-то я понимаю, что тогда действовал так, словно не знал, что в итоге идеальные абзацы все равно не устоят перед временем, ибо они — суть языка: их разрушает невнимательность наборщика, разница в словоупотреблении, перемены — *короче говоря, сама жизнь*.

«Но ты ведь начинающий, — раздался тут некий голос, — и боги текста еще способны простить тебе огрехи».